

СОВЕТСКИЙ ВЕК

**Владлен
Логинов**

**ЗАВЕТЫ
ИЛЬИЧА
ТАК ПОБЕДИМ!**

Москва
издательство
РОДИНА
2020

УДК 82-94
ББК 85.374
Л 69

Логинов В.Т.

Л 69 Заветы Ильича. Так победим! / В.Т. Логинов. – М.: Родина, 2020. – 624 с.

ISBN 978-5-907351-23-3

Автор этой книги Владлен Терентьевич Логинов — советский и российский историк, специалист по истории Октябрьской революции и Гражданской войны, кинодраматург.

Книга посвящена последнему периоду жизни и деятельности В.И. Ленина – от окончания Гражданской войны в России до ленинского «завещания». Нередко авторы, пишет В.Т. Логинов, повествующие о тех или иных исторических личностях, спешат поведать миру не то, о чем думали эти личности, что они писали, говорили и делали, не о том, при каких обстоятельствах это происходило и каков был общий контекст истории, а о том, что они, авторы, думают по этому поводу.

В.Т. Логинов поставил перед собой иную задачу: «Донести до читателя то, что делал, говорил, писал, о чем размышлял Ленин в эти трудные годы. Отсюда и обилие цитат, что, конечно, утяжеляет повествование, но гораздо лучше, если читатель, размышляя над ленинскими текстами, сам придет к каким-то выводам, нежели впихивать ему нечто переваренное в чужой голове».

**УДК 82-94
ББК 85.374**

ISBN 978-5-907351-23-3

© Логинов В.Т., 2020

© ООО «Издательство Родина»,
2020

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. КРУТОЙ ПОВОРОТ

От «Гималаев» до «Сухаревки»	6
Голод	26
Программа «всерьез и надолго»	48
«Гражданский мир»	72
«Правильно понять свою задачу»	101
«Нет худа без добра»	124

Глава 2. «ОТ ШТУРМА К ОСАДЕ»

«О пользе охоты на лис»	157
Накануне партсъезда	179
«Не отчет, а политические уроки»	212
О «единомыслии» и «единодушии»	230
Выборы в ЦК и ЦКК	263
«...Не прозевать второго Кронштадта»	275
Несостоявшийся отпуск	300

Глава 3. «РОССИЯ БУДЕТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ»

Странная болезнь	318
«Я уже почти здоров...»	345
«Нагнать другие государства»	373
«Не назад к феодализму, а вперед к социализму»	397
«Я кончил ликвидацию своих дел»	418
Нечто вроде дневника	444

Глава 4. ПОСЛЕДНЕЙ УМИРАЕТ НАДЕЖДА 479

«ЗАВЕЩАНИЕ» 591

Указатель имен 614

Глава 1

КРУТОЙ ПОВОРОТ

От «Гималаев» до «Сухаревки»

Владимир Ильич любил горы. В юности, во время лодочных походов, он и его приятели с азартом карабкались на высоченный крутой берег Волги, откуда открывалась такая потрясающая панорама, как говорил позднее сам Ленин, такая «необъятная ширь», что казалось, будто и самой России нет ни конца, ни края.

А в сибирской ссылке, в Шушенском, настоящие горы всегда стояли перед его глазами. «На горизонте, — писал он матери, — Саянские горы или отроги их; некоторые совсем белые... Значит, и по части художественности кое-что есть, и я недаром сочинял еще в Красноярске стихи: “В Шуше, у подножья Саяна...”»¹ Но горы только начинались в 50 верстах от Шушенского, и удалиться от места ссылки столь далеко было недозволенно.

В эмиграции, в Швейцарии, Ленин многократно взбирался на доступные для альпинистов-любителей альпийские вершины. Однажды совершил восхождение на Мон-Салев. Но тамошние маршруты были слишком исхожены и «окультурены». На некоторые вершины вообще можно было доехать на фуникулере. Может быть поэтому особенно запомнились, хотя и менее высокие, но более дикие галицийские Высокие Татры.

Летом 1913 года вместе с друзьями он поднимался на вершины Свинницы (2306 м.) и Рысов Польских (2499 м.). «Лазили мы, — рассказывал Осип Пятницкий, — долго, поднимаясь высоко по камням и хватаясь за железные скобы, вделанные в скалы. Большую часть пути пришлось идти по тропинке над огромным обрывом... Три раза мы начинали спускаться с горы и подниматься обратно, как только появлялось солнце...»

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 35.

Другой участник восхождения — Александр Буцевич — вспоминал: шли по тропе к перевалу Заврат (2150 м.), «дальше идет подъем по скале со склоном 50-60 градусов, и притом очень скользкой. Лишь при помощи железных скоб-клямр с большим трудом ползем на нее, но эти клямры расположены очень скупо, и в то время как стоишь ногами на одной из них, ближайшая от ноги почти достигает высоты пояса и заставляет подтягиваться на руках...

Эта часть пути напоминает собой какую-то чудовищную лестницу — вернее, остатки от прикрепления лестницы в виде одиноких скоб, и уставший Ильич метко именует это «обезьяньей лестницей», уверяя нас, что такой способ передвижения пригоден куда более для обезьян, чем для людей... Ильич искренне удивляется, что подъем так труден: «Труднее даже, чем на Мон-Салева, хотя тот и выше...».

И, наконец, участник другого восхождения на Рысы — Сергей Багоцкий: «Тропинка шла небольшими зигзагами по крутому склону горы. Подходим почти к самой вершине. Осталось преодолеть небольшой, но самый трудный участок пути... Мы ясно различаем тропинку, ведущую на вершину. Но, чтобы на нее попасть, нужно было перебраться по острому скальному гребню, имеющему вид седла, бока которого спускаются почти отвесно в глубокие пропасти.

Я двигаюсь первым и благополучно проползаю по гребню. Оглядываюсь. Владимир Ильич на середине гребня задержался, но вот он двигается и добирается до меня. Оказывается, он не вовремя посмотрел вниз и почувствовал головокружение, которое, однако, быстро преодолел. Мы — на вершине!»

Сергей Багоцкий предлагает начать спуск по менее опасной тропе. Но Ленин, понимая, что спуск будет еще более сложным, чем подъем, настаивает на повторении маршрута...¹

Как всякий альпинист-любитель, он, вероятно, мечтал и о Гималаях. Во всяком случае в январе 1922 года план статьи «Заметки публициста» Владимир Ильич начинает с записи: «Альпинист»... в Гималаях»².

А в самой статье, получившей подзаголовок «О восхождении на высокие горы, о вреде уныния, о пользе торговли, об отношении к меньшевикам и т.п.», — Ленин пишет: «Представим себе человека, совершающего восхождение на очень вы-

¹ См.: Яковлев Б.В. Страницы автобиографии. М.: «Молодая гвардия», 1967. С. 463, 464, 465. (Верстка книги, запрещенной цензурой, хранится в РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 51. Д. 94.); Воспоминания о В.И. Ленине. В пяти томах. Т. 2. М., 1989. С. 324, 325; «Огонек». 1933. № 2 (462). С. 3, 4.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 501.

сокую, крутую и не исследованную еще гору. Допустим, что ему удалось, преодолевая неслыханные трудности и опасности, подняться гораздо выше, чем его предшественники, но что вершины все же он не достиг.

...Двигаться вперед по избранному направлению и пути оказалось уже не только трудно и опасно, но прямо невозможно. Ему пришлось повернуть назад, спускаться вниз, искать других путей, хотя бы более длинных, но все же обещающих возможность добраться до вершины».

Происходящее далее Владимир Ильич описывает вполне профессионально: «Спуск вниз... представляет опасности и трудности, пожалуй, даже большие, чем подъем: легче оступить-ся; не так удобно осмотреть то место, куда ставишь ногу; нет того особо приподнятого настроения, которое создавалось непосредственным движением вверх, прямо к цели, и т.д.».

Чтобы было понятно тем, кто не ходил в горы, Ленин не пользуется профессиональной терминологией — никаких «клямр», «альпенштоков» и т.п. «Приходится обвязывать себя веревкой, — пишет он, — тратить целые часы, чтобы киркой вырубать уступы или места, где бы можно было крепко привязать веревку, приходится двигаться с черепашной медленностью и притом двигаться назад, вниз, дальше от цели, и все еще не видать, кончается ли этот отчаянно опасный, мучительный спуск...

Едва ли не будет естественным предположить, что у человека, оказавшегося в таком положении, являются, — несмотря на то, что он поднялся неслыханно высоко, — минуты уныния. И, вероятно, эти минуты были бы многочисленнее, чаще, тяжелее, если бы он мог слышать некоторые голоса снизу, наблюдающие из безопасного далека, в подзорную трубу, этот опаснейший спуск, который нельзя даже назвать ... “спуском на тормозах”, ибо тормоз предполагает хорошо рассчитанный, уже испытанный экипаж... А тут ни экипажа, ни дороги, вообще ничего, ровно ничего испытанного ранее!

Голоса же снизу, — замечает Владимир Ильич, — несутся злорадные. Одни злорадствуют открыто, улюлюкают, кричат: сейчас сорвется, так ему и надо, не сумасшествуй!» Это те, кто изначально, явно или тайно желали, чтобы альпинист свернул себе шею. Они и притащились сюда с подзорной трубой, чтобы воочию увидеть, как он будет падать и как острые выступы скал будут рвать его тело...

«Другие, — продолжает Ленин, — стараются скрыть свое злорадство... Они скорбят, вознося очи горй. К прискорбию наши опасения оправдываются! Не мы ли, потратившие всю

жизнь на подготовку разумного плана восхождения на эту гору, требовали отсрочки восхождения, пока наш план не закончен разработкой?» При любой человеческой драме им важно прежде всего отметить: «я ведь говорил, я предупреждал...»

То есть в принципе они совсем не против того, чтобы человек взбирался на вершины. Они за... Но только после того, как будут созданы все необходимые условия и предпосылки, которые могли бы гарантировать достижение цели.

И дело даже не в том, что этот безумец наверняка погибнет («смотрите, смотрите, он пошел назад, он спускается вниз, он целыми часами подготавливает себе возможность подвинуться на какой-нибудь аршин! а нас поносил подлейшими словами, когда мы систематически требовали умеренности и аккуратности!»). Но главное даже не в том, что он неминуемо сорвется — главное он способен «скомпрометировать этот великий план вообще!»

Владимир Ильич достаточно точно воспроизводит те слова, которые на протяжении многих лет ему приходилось выслушивать от подобного рода публики: «Если мы так страстно боролись против пути, оставляемого теперь и самим безумцем... — если мы так горячо осуждали безумца и предостерегали всех от подражания и помощи ему, то мы делали это исключительно из любви к великому плану восхождения на данную гору...»

«К счастью, наш воображаемый путешественник, в условиях взятого нами примера, — замечает Ленин, — не может слышать голосов этих “истинных друзей” идеи восхождения, а то бы его, пожалуй, стошнило. Тошнота же, говорят, не способствует свежести головы и твердости ног, особенно на очень больших высотах. <...>

“Ихний” лагерь злорадствует, ликует или проливает крокодиловы слезы... по поводу нашего отступления, нашего “спуска вниз”, нашей новой экономической политики. Пусть злорадствуют... Каждому свое. А мы не дадим себя во власть ни иллюзиям, ни унынию. Не бояться признавать своих ошибок, не бояться многократного, повторного труда исправления их — и мы будем на самой вершине»¹.

«Пример — не доказательство, — признает Ленин. — Всякое сравнение хромает». И все-таки, пользуясь его же словами — «едва ли не будет естественным предположить», что очень схожую гамму чувств Владимиру Ильичу пришлось испытать к

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 415-417, 423.

концу 1921 года — года, который Г.М. Кржижановский, по стечению многих обстоятельств, назвал «злосчастливым».

Нередко авторы, повествующие о тех или иных исторических личностях, спешат поведать миру не то, о чем думали эти личности, что они писали, говорили и делали, не о том, при каких обстоятельствах это происходило и каков был общий контекст истории, а о том, что они — авторы думают по этому поводу.

Портрет главного персонажа их повествования — по самым различным причинам и мотивам «внеисторического» свойства — давно сложился у них в голове. Остается лишь подобрать фразы, цитатки, факты и фактики, препарированные соответствующим образом.

Автор этой работы ставит перед собой иную задачу: донести до читателя то, что делал, говорил, писал, о чем размышлял сам Ленин в эти трудные годы. Отсюда и обилие цитат. Конечно, это утяжеляет повествование.

Но гораздо лучше, если читатель, размышляя над ленинскими текстами, сам придет к каким-то выводам, нежели всучивать ему нечто переваренное в чужой голове.

Итак, после шести лет непрерывных войн, неслыханных жертв, лишений и страданий, когда не раз казалось, что до падения в пропасть поражения всего лишь шаг, — война, наконец, подошла к концу.

Новейшие исследования свидетельствуют о том, что в годы Первой мировой войны в результате боевых действий было убито и умерло от ран 3 млн. 645 тыс. 965 солдат и офицеров русской армии. А с учетом потерь гражданского населения в районах боевых действий безвозвратные потери России составили 4 млн. 447 тыс. 405 человек. Добавьте к этому косвенные демографические потери и эта цифра возрастет до 6,5 миллионов.

В годы Гражданской войны, по сведениям, подтвержденным документальными данными, Красная армия потеряла 702 тыс. человек, из которых 407 тыс. — от ран и болезней. Потери белых армий исчисляются в 175 тыс., плюс 150 тыс. умерших от болезней. Однако, учитывая неполноту этих данных, есть основания полагать, что потери обеих сторон в ходе боевых действий составили около 2,5-3 млн. человек, причем в большинстве — от ран и болезней.

Но еще больший урон стране, находившейся в блокаде, лишенной элементарных медикаментов, нанесли массовые эпидемии — гриппа («испанки»), сыпного и брюшного тифа, ди-